

Чем национальный парк отличается от заповедника? Пребывание посторонних на территории заповедника строго-настрого запрещено. По национальному же парку всякий может разгуливать, сколько душа пожелает. Ведь парк – это биологический резерват, открытый для посещения. Во всяком случае, таким он задумывался…

Ориентир – Пулатхан

В детстве в одной из книжек, которыми я зачитывался, был конан-дойлевский «Затерянный мир». Захватывающим образом там описывалось, как четверо смельчаков пробираются сквозь джунгли к неизвестному плато, обрывистые стены которого естественным путем законсервировали мирок, населенный доисторической фауной – стегозаврами, птеродактилями и прочими их зубастыми сородичами. Писатель в своем творении явил столь буйную фантазию, что впоследствии при упоминании любого плато у меня автоматически рождался вопрос: а вдруг и здесь уцелели какие-либо редкие или даже вымершие животные? Почему бы нет?

Удачный случай проверить сухую теорию практикой подвернулся неожиданно. Члены ташкентской ассоциации путешественников «Рабат малик» вздумали осмотреть плато Пулатхан, расположенное на территории Угам-Чаткальского национального парка, и позвали меня составить компанию. Дирекция Чаткальского заповедника одобрительно отнеслась к этому замыслу и даже предоставила во временное пользование проводника и лошадей. Точнее, штатного инспектора охраны природы с возложенными на него функциями гида, и четырех лошадок, две из которых, как впоследствии выяснилось, нравом больше напоминали ослов, чем животных своей породы.

Признаться, было интересно, остались ли хоть где-нибудь в Узбекистане, помимо нескольких заповедников, места, где не ощущается воздействие человека на природу. Где реки чисты, леса не вырублены, и водится всякое зверье, как сто, двести или тысячу лет назад. В общем, есть ли такие места, где нас не только нет, но и никогда не было? Хотелось подтверждения. Мелькала надежда – а вдруг это именно здесь, в Угам-Чаткальском парке? Ведь он такой большой, и никаких кишлаков тут нет. Но что-то подсказывало: вряд ли. Слишком уж далеко зашел процесс поедания природы.

Въехали

В поселке Кумышкан, известном тем, что там есть санаторий, нам дали лошадей. До этого верхом я никогда не ездил, поэтому, на всякий случай, выбрал самую смирную на вид конягу. У нее не было никакого имени, зато на крупе был выжжен номер «56». Предполагая, что до отправки в дорогу егерь даст пару уроков верховой езды, я легкомысленно последовал его указанию и кое-как забрался в седло. На этом все обучение закончилось.

— Потянешь за уздечку налево – конь пойдет налево, потянешь направо – он пойдет направо, натянешь – остановится, – заорал егерь, стегнул моего коня прутиком и тот понесся догонять выезжавших за ворота собратьев.

Первые десять минут я ощущал себя, точно язычок колокольчика, который почему-то подвесили не снизу, а сверху. Однако после, детально выполняя полученную инструкцию, освоился и стал глядеть

уже не только на торчащие спереди лошадиные уши, но и по сторонам. А еще через час возгордился тем, что наука верховой езды дается мне столь быстро, и вообразил себя то ли Чапаевым, то ли вождем мексиканской революции Панчо Вильей.

— Вперед! – скомандовал я коню, и лихо хлестнул его. Тот дернулся и запрыгнул в канаву, полную жирной черной грязи. В седле я удержался, но от густой вонючей волны уклониться не смог. После этого лавры героев пришлось оставить в покое и вести себя осмотрительнее.

Национальный парк начинается с арчового леса. Как-то неожиданно замечаешь, что дорога петляет уже не среди холмов и возделанных полей, которые километров на двенадцать тянутся от Кумышкана, а среди самых настоящих гор и арчовых деревьев. Подсознательно настроившись на восторг от встречи с дикой природой, неожиданно обнаруживаю, что восхищаться попросту нет времени – начался спуск по узкой тропке и за конем необходимо следить в оба.

…Странное это дерево – арча. Растет медленно, живет не одну сотню лет, а то и всю тысячу. Если его не рубить, конечно. Занесет семечко куда-нибудь на скалу, и вот год за годом деревце осторожно протягивает повсюду корни, укрепляется, словно некий осьминог, и в результате выдрать его отсюда становится невозможно никакой силой. Удивительно, но мы встречали множество арчей, корни которых тянулись не вниз, как полагается каждому нормальному дереву, а вверх, к вершине горы. Некоторые же стволы неведомая сила закрутила чуть ли не винтом. Отчего это произошло? Абсолютная загадка.

Нижние ветви арчи часто засыхают и, лишенные листвы, торчат так годами и десятилетиями. Их сушат ветра, обжигает солнце, так что в конце концов они начинают походить на кости путника, белеющие в пустыне. Да в каком-то смысле это и есть кости, только не человека, а дерева…

Внизу шумит река – Аксакатасай. Начинается она где-то там, куда нам предстоит двигаться, покуда не доберемся до плато Пулатхан. Последнее, согласно преданию, получило название от имени человека, который там жил. Было это давно, во времена седой старины. Кем он был – покрыто мраком. Одни утверждают, что ханом, поскольку воевал с какими-то недругами. Другие говорят, что, вероятнее всего, чабаном – поскольку хану в горной глуши делать, в общем-то, нечего. Но, с другой стороны, ведь и скот раньше так далеко не пасли.

Возле речки, во время привала, наш слух неожиданно улавливает хоровое пение. Тонкие голоса оглашают окрестности словами о грядущем счастье. Что за чертовщина? Может, это завывают какие-нибудь горные духи? Изумленные, перестаем жевать, но тут из-за валунов бодро выходит группа детей, на ходу распевающих песни духовного содержания. Через несколько минут за ними следует еще одна группа. Затем третья. А после еще, и еще.

— Свидетели Иеговы, что ли? – удивленно спрашивает предводитель ташкентских путешественников Виктор Цой. – Как вас сюда занесло?
Какая-то девчушка объясняет, что не свидетели, а христиане-баптисты, выехавшие пообщаться с природой. С этими словами она вручает нам бумажку, где указан адрес молельного дома, и приглашает заходить. Мы обещаем. Ихтиёр, инспектор охраны природы, взирает на маленьких баптистов с недоумением. А после долго нас расспрашивает, кто они такие и чего хотят.

Чем дальше в лес, тем больше… коров

Вид национального парка радует душу: зелени много. Во всяком случае, вдоль речки. Доверчиво тянутся навстречу прохожим нежно-зеленые побеги конопли. Белеет березовая роща. Правда, воспетый поэтами символ русской природы здесь не тот, что на исторической родине. Обличьем он больше смахивает на арчу – те же корни, распластанные меж скальных образований, да и ствол в высоту не очень. В общем, не жизнь, а борьба за существование.
Через некоторое время меня начинает смущать одно обстоятельство. Если в первые часы пребывания на территории парка присутствие коз и коров я воспринимал как неизбежное зло, вызванное относительной близостью густонаселенного кишлака, и полагал, что чем дальше в горы, тем меньше будет скота, то вскоре обнаруживаю, что все происходит с точностью до наоборот! Чем дальше мы углубляемся в горы, тем более многочисленные стада попадаются навстречу. Постепенно начинаю понимать, что ни к Кумышкану, ни к каким-либо иным поселкам весь этот скот отношения не имеет.

– Ну да, стада пригоняют сюда на весь сезон, – пояснил Виктор Цой. – А пастухов нанимают работать вахтенным методом. Они сидят тут дней десять, насвай изо рта не вынимают, только глядят, чтоб коровы не разбежались. Потом их сменяют. Они совершенно ничего не знают – ни как гора или река называются, ни как пройти куда-либо.

Постепенно печальное зрелище усугубляется: скот, кругом только скот. Такое впечатление, что корова скрывается чуть ли не за каждым деревом. Если же ее там нет, то значит, она ушла оттуда минуту назад, о чем свидетельствует свеженаложенная куча. Вот так и бывает: надеешься повстречать что-то хорошее, а находишь одни какашки… Не потребовалось много времени, чтобы у меня сложилось устойчивое мнение: территория национального Угам-Чаткальского парка Узбекистана – это большое пастбище. И если выпас скота будет продолжаться такими темпами, лет через пять-семь зеленые ныне места превратятся в пустыню.

Виктор сообщил, что в разумных пределах вести хозяйственную деятельность в парке не запрещено. То есть пасти скот можно. В советское время даже существовали нормы выпаса. Скажем, на одну корову отводилось столько-то гектаров, на барана столько-то. Но сейчас эти нормы давным-давно позабыты и никем не выдерживаются.

Инспектор разъяснил, что вся территория парка распределена между четырьмя лесхозами, которые и выдают разрешение пасти скот. За каждого барана надо официально заплатить примерно тысячу сумов (что эквивалентно доллару), за козу, корову или лошадь чуть больше. Заплатил – и иди, паси весь сезон – с мая по ноябрь. Проблема же здесь, во-первых, в том, что никакие нормы не соблюдаются: сколько человек в лесхоз обратились, столько и получают разрешение на выпас. А во-вторых, лесхозовские начальники зачастую не хотят делиться с государством и выдают пастухам поддельные разрешения, присваивая полученную от них сумму.

– Пастухов с фальшивыми документами мы выявляем и составляем акт, – добавил Ихтиёр. Однако, по его словам, штраф за подобное нарушение небольшой: около тысячи сумов за барана и чуть больше за остальных животных. Так что вряд ли подобные меры можно считать действенными.

К концу дня мы вновь оказываемся в арчовом лесу. Правда, не похожем на предыдущий. Все пространство между деревьями заполнено либо торчащими антеннами эремурусов, либо какими-то зонтичными растениями с ярко-желтыми цветками. Одна из вездесущих коров неожиданно решает присоединиться к нашей процессии. Практически упираясь рогами в зад моей лошади, она следует за

нами примерно с километр, повторяя все извивы лесных тропинок и прыгая по каменистым тропкам. Потом так же неожиданно теряет интерес, останавливается и принимается жевать какой-то куст.

За время путешествия мне довелось убедиться, что не корова, а лошадь – действительно умное животное. Не раз мы пробирались по таким кручам, что перехватывало дыхание, вниз же я старался вовсе не смотреть. Временами скальные образования как бы вспарывали тропку и, когда лошадь перескакивала с камня на камень, у меня замирало сердце. Ведь всего один неверный шаг и… Но каждый раз все обходилось. За единственным исключением, когда сдуру она помчалась под торчащие, как штыки, сучья старой арчи. Я едва успел откинуться назад, в последний миг избежав участи шашлыка. Мощным потоком народных слов я донес до подлой скотины все, что о ней думаю. С той поры она вела себя хорошо. Правда, временами останавливалась, как ишак, и надо было минуты три уговаривать ее двинуться дальше. Но это все пустяки.

Володе, самому младшему участнику нашей экспедиции, лошадь досталась тоже не подарок. Идти-то она шла, только несмотря на все понукания хозяина, делала это столь медленно, что обычно отставала от остальных метров на триста.

Примерно в это время меня осенила гениальная догадка: я понял, почему все кочевники, как правило, маленького роста. Все дело в том, что высокий человек не может долго находиться в положении, когда его колени торчат где-то возле ушей. Опустить стремена ниже ему нельзя – они будут бить лошадь по брюху. Поэтому великан, измученный неудобным положением, становится легкой жертвой для врагов. Зато человек низкорослый, да еще желательно с кривыми ногами, будет чувствовать себя на лошади, как рыба в воде. Вот как все просто. Естественный отбор. Читайте Дарвина.

Постепенно мы забрались на такую высоту, что поравнялись с белыми пятнами снега, лежащего на соседних вершинах, остатком предыдущих зим. Сразу после наступления темноты начинается жуткий холод. Выручает лишь водка – друг путешественника. Небо в горах настолько яркое, незамутненное тоннами пыли, которые всегда висят над Ташкентом, что просматривается каждая мельчайшая звездочка. Туманности, всякие квазары, Млечный путь. Миллионы солнц, низведенных до величины светлячков…

В бараньем царстве

Высоко в горах вода становится дефицитом. Поэтому мы радуемся, когда проводник выводит нас к небольшому горному озерцу. Впрочем, оно похоже больше на болото. Повсюду следы бараньих копыт, истоптанная земля.
– Еще пять лет назад здесь скот не пасли, – задумчиво произносит Ихтиёр. – Озеро было нормальное, а из леса приходили пить воду кабаны.

Сейчас из крупных животных в этих местах обитают только бараны. Они не курдючные, как в Ташкенте, а другой породы, с густой, вьющейся шерстью. Большей частью белого цвета, но иногда попадаются и черные – гиссарские. Коров так высоко в горах не пасут, так что это исключительно бараньи владения. Там, где некоторое время паслось стадо, не остается ни травинки – лишь обглоданная земля. После этого пастух перегоняет отару на соседнюю гору. Выеденные проплешины отчетливо указывают маршрут, проделанный отарой за последние недели.

За время пребывания в национальном парке мы поняли, что зря простаивающих гор не бывает. На каждой торчит пастух со своим стадом. Если бараны и козы даже не выедают подчистую растительный покров, то протаптывают бесчисленные тропинки, опутывающие склон плотной паутиной. Уцелевшей травы не хватает, чтоб удерживать почву, так что дождями ее смывает вниз.

Остается голая глина. Иначе как экологической катастрофой все это назвать невозможно. К сожалению, я не вижу причин, по которым этот процесс мог бы прерваться: очевидно, что властям абсолютно наплевать на происходящее. А значит, через несколько лет здесь вряд ли будет что-то расти.

Будем зреть в корень: выпас скота, принявший столь крупные масштабы, – практически единственная возможность для селян свести концы с концами. Каким образом, проживая в поселке или небольшом городке, заработать деньги? Ответ: если ты не хоким, не судья и не прокурор, то выход один – держать как можно больше домашней скотины. Поскольку скот – это вложение средств. Продаст житель кишлака осенью кишмиш, орехи и прочие дары природы – и останется с некоторой суммой денег. В банк он ее не понесет, а закупит несколько телят или ягнят и препоручит местному пастуху. Через полгода-год животные подрастут, наберут вес и вложенное состояние утроится. Вот и вся технология.

По словам Ихтиёра, наиболее зажиточными у них обоснованно считаются чабаны. Некоторые из них имеют по несколько сот баранов. Среднерыночная цена каждого – 40-50 тысяч сумов. Так что считайте.

Нельзя не упомянуть еще об одном истребителе всего сущего – собаке. Каждый чабан держит при стаде примерно трех-четырех здоровенных псов, однако кормить их считает излишним, резонно полагая, что те и без этого не пропадут. И друзья человека автоматически превращаются в злейших врагов местной фауны – сурков, сусликов, гнездящихся птиц и так далее. Не будет преувеличением сказать, что там, где располагается отара, происходит комплексный геноцид всего живого: бараны занимаются травой, собаки – зверьем. Результатом этого является почти безжизненная поверхность, схожая с той, что остается, к примеру, после нашествия саранчи.

На плоскогорье

Наконец мы почти у цели: впереди возникают очертания длинной горы, похожей на ботинок, перевернутый вверх подошвой. Это и есть плато Пулатхан. В длину оно протянулось километров на шесть-семь, высота же скалистых стен местами достигает трехсот-четырехсот метров. Итак, вот он, затерянный мир!

За плато вырисовывается большой треугольный силуэт – Чимган. Канатка, гостиница и прочие блага цивилизации на другой его стороне. Но чтобы добраться до Пулатхана через вершину Чимгана, придется затратить куда больше сил: спуск слишком крут, а кроме него, необходимо будет преодолеть одну или две больших горы.

Деревьев на плоскогорье нет – это хорошо видно издали. Ну, конечно, кроме кряжистых арчей, торчащих то тут, то там прямо из скальных расселин. Но ростом они явно не вышли, так что до звания дерева не дотягивают. Зато на горе, виднеющейся через ущелье, леса много. Это Чаткальский заповедник, точнее, одна из его территорий, разбросанных по разным частям Угам-Чаткальского национального парка. Этакая гора-резервация. Хочется думать, что хоть там животных не трогают…

По гребню горы вплотную подбираемся к стене плато. Скоро начнет темнеть, так что разбиваем лагерь и отпускаем лошадей пастись. Они спокойно бродят вокруг, непрестанно хлопая себя хвостами. Растения с желтыми зонтичными цветками покрывают склоны плотной зеленой волной. Кроме нас здесь никого нет. Тишина…
Впрочем, внешнее впечатление оказывается обманчивым. Стоит нам разжечь небольшой костерчик, чтоб приготовить ужин, как мы замечаем, что сверху, с плато, за нами наблюдают. Шесть или семь рогатых голов отчетливо вырисовываются на фоне неба. Горные козлы! Видимо, вскоре до них

доходит, что мы не охотники, поскольку медленно, осторожно, но они начинают спускаться прямо к нам.

Удивительное это зрелище, когда перед самым наступлением сумерек ты видишь этих пугливых животных столь близко. Они разделяются на несколько групп, ближайшая подходит к нам метров на сорок. Это коза с козленком, которому, видимо, всего несколько месяцев от роду. Прыжками они передвигаются по незаметным для глаза уступам отвесной скалы. Кажется, что еще прыжок, и кто-нибудь из них сорвется. Но все обходится благополучно. Судя по всему, коза преподает науку скалолазания. Она пробегает по отвесной стене, взбирается на какой-то уступ и замирает на нем. А козленок добирается до середины скалы и неожиданно пасует – не может двинуться ни вперед, ни назад, только жалобно блеет. Минут пять он стоит там, как приклеенный.

Еще немного и совсем стемнеет, тогда он уже не увидит никаких выступов. Мы тревожно привстаем. Коза поворачивает и проносится мимо него, указывая ему обратную дорогу. Наконец, он решается на действие – прыгает по ее следам, все удается, и они встречаются уже внизу. Еще пара секунд – и все стадо исчезает среди скал. Вскоре наступает полная темнота, и мы укладываемся. Лошади расхаживают вокруг, иногда фыркая над самым ухом спящего.

Наутро, доставая зубную щетку, обнаруживаю на ней страшное насекомое с двумя жалами. Как оказалось, в пакет с умывальными принадлежностями их набилось десятка полтора. После того, как я вытряхиваю их оттуда, Володя сует руку в пакет с печеньем и также вытаскивает кусок с восседающей на нем тварью. Выясняется, что эти существа понабились куда только смогли. Видимо, таким образом они искали защиты от холода.

Оставив палатку и лошадей, неспешно по камням взбираемся наверх. Поверхность плато покрыта высокой травой и знакомыми желтыми цветами. Неподалеку от края установлена железная тренога с указанием высоты: 2744 метра. Здесь плато довольно узкое. Подходим к противоположному краю и осторожно заглядываем вниз. Ну и высота! Отвесные стены тянутся на сотни метров. Мощная скальная архитектоника подавляет. Вниз даже страшно смотреть. Но открывшаяся панорама настолько грандиозна, что отвести взгляд невозможно. Ихтиёр разглядывает скалы в бинокль и внезапно ловит в фокус вчерашнее стадо козлов. Те разлеглись на каком-то труднодоступном карнизе. По-видимому, у них сиеста.

Держим курс на восточную сторону плоскогорья, пробираясь сквозь заросли зонтичных растений. У большинства из них объедены цветки. Видно, козлы не прочь ими отобедать. Замечаем змею, греющуюся на солнышке. Неожиданно из под ног вспархивает улар – горная индейка. Это редкий, краснокнижный вид. Ихтиёр вспоминает, что у местных жителей существует поверье, что с того, кто подстрелит и съест улара, снимаются все грехи.

Внезапно раздается резкий свист. Какой-то злоумышленник извещает сообщников о появлении посторонних.
— Глядите, сурок! – произносит Виктор. Приглядевшись, видим застывшую столбиком фигурку. Сообразив, что его заметили, сурок пронзительно свистит и ныряет в нору.
Вскоре находим целое селение этих животных. Заприметив нас издали, они оглашают местность истошным свистом, после чего опрометью драпают к своим норам. Наиболее крупные смахивают на откормленных домашних котов. Сурок Мензбира не только занесен в Красную книгу, но и является эндемиком, то есть видом, который обитает лишь в горах западного Тянь-Шаня и более нигде. Однако и на него ведется охота. По словам Виктора, тушку крупного сурка оценивают примерно в двадцать тысяч сумов – почти в полбарана. В дело идет, главным образом, жир, который специально вытапливают, но мясом и шкуркой охотники тоже не брезгуют.

Вскоре представление о затерянном в горах идиллическом мирке, куда пастухам с их баранами забраться не под силу, рушится: на зеленом фоне чернеет большой выеденный круг. Здесь тоже побывала парнокопытная саранча…

Выходим к роднику. Это единственный на плато источник чистой воды, не иссякающий даже летом. Неподалеку из разнокалиберных булыжников сложены три каменных круга в полметра высотой. Их назначение видно невооруженным глазом: укрытия для охотников. Есть в этом какая-то подлость – устраивать засаду в единственном месте, где животные, обитающие в районе плато, могут напиться. А тут засад даже три. Ихтиёр объясняет, что это дело рук чабанов: кроме них, мол, некому. Посторонний охотник не станет сюда добираться – за несколько дней обратной дороги его добыча просто протухнет.

С огромной, кажущейся почти бесконечной скалы, чье основание теряется так далеко внизу, что его не разглядеть, слышится шум падающих камней. Пытаюсь рассмотреть, что там, но вижу лишь пару орлов, выписывающих круги внизу, прямо под нами. Ихтиёр наводит бинокль и обнаруживает еще одно стадо козлов, лазающих по поверхности вертикального скального массива, словно тараканы. Очевидно, в расчете на них браконьеры и подготовили ловушки. Чтоб хоть как-то подпортить нарушителям праздник, разрушаем круги, разбрасывая камни как можно дальше. Положение это, конечно, не спасет, но ведь надо же что-то делать! Пусть немного попотеют.

Наконец мы достигаем конца горы. С обрыва видно, как внизу тонкой нитью вьется река, берущая начало где-то в Киргизии. Ущелье, по которому она течет, смело можно назвать одним из немногих мест, где звери чувствуют себя достаточно вольготно: здесь нет ни охотников, ни чабанов. Зато встречаются медведи. А несколько лет назад именно по течению этой реки к плато подошли ваххабиты, убившие офицера-пограничника и захватившие заложников. Потом с ними были бои, ущелье бомбили, пока экстремистов не уничтожили. Природе военные действия, конечно, не пошли на пользу. Арчовые леса большей частью были просто-напросто выжжены. Вероятно, иного выхода тогда не было.

— Знаете, что надо делать, если сто ваххабитов захватили двадцать заложников и идут на город? – неожиданно спрашивает Ихтиёр.
— Что?
— Разбомбить их всех вместе с заложниками, – безапелляционно отвечает инспектор.
Я не приветствую такой радикализм, и некоторое время мы спорим. Впрочем, переубедить друг друга нам не удается, так что каждый остается при своем мнении.

Подводя итоги экспедиции на Пулатхан, можно сказать следующее: затерянный мир все-таки существует. Но в очень ограниченном масштабе.

Вдоль по речке

Встреча в горах всегда редкость. Еще вчера мы заприметили синюю палатку на дорожке, ведущей со стороны Чимгана, и гадали, кто отважился пройти сюда этим маршрутом. А сегодня, отъезжая от плато, на узкой тропинке сталкиваемся с хозяевами палатки, поднимающимися нам навстречу: пожилой человек, с ним молодая женщина, по-видимому, его дочь, и пацан лет тринадцати. Они рассказали, что их поход длится уже пять дней и будет продолжаться примерно столько же. При виде этих людей, самостоятельно пробирающихся по столь опасным местам, мы невольно задумываемся: а что, если один из путников, не дай Бог, сломает ногу? Ведь у нас не существует никаких

спасательных служб, которые могли бы в этом случае придти на помощь. Пока же пострадавшего донесут, у него начнется гангрена. В таком положении, наверно, самый гуманный выход – пристрелить его, чтоб не мучался.

Но встреченный путешественник смеется:
— Есть люди, которые, как черные дыры, притягивают к себе все неприятности. Такого человека сразу видно. Не надо брать его в горы – и все будет прекрасно.
— Молодец, – комментирует Виктор, когда мы отъезжаем. – Он ведь специально пацана потащил в горы, закладывает это путешествие ему в голову, пока тот еще формируется. Приучает преодолевать себя, справляться с опасностями…

Обратно спускаемся другой дорогой, вдоль реки Нурекатасай. Спуск с горы занимает полдня. Зато дальше можно будет ехать по ровной дорожке, слушая шум воды. Здесь снова начинается зелень. Лес уже не только арчовый, но смешанный – из самых разных пород деревьев. На смену баранам снова приходят коровы, хотя их значительно меньше, чем мы видели в первые дни пути. Ихтиёр замечает стоянку своих знакомых, и мы заезжаем к ним в гости. Это семья киргизов из Кумышкана. Вообще-то родом они именно из этого ущелья, но когда лет 20 назад сель стал смывать киргизские поселения одно за другим, оставшихся переселили в Кумышкан. Впрочем, все лето они по-прежнему проводят на родине – у Нурекатасая. Здесь они устанавливают ульи и пасут коров.

Вдоволь наобщавшись с земляками, Ихтиёр сообщает, что те выкупили в лесхозе право аренды всего этого участка гор на много километров вдоль реки. Теперь только они вправе вести тут хозяйственную деятельность. Поэтому скота здесь относительно немного.
Мы с интересом разглядываем горного латифундиста. Он развязывает мешок и угощает нас куртом. Затем хитро произносит:
— Мой курт – самый качественный. А в тот, что продают в Ташкенте, для веса добавляют алебастр.

Его слова наводят на думу о том, как производятся у нас молочные продукты. В общем-то, кроме курта, крестьяне из молока практически ничего не делают. «Катык, каймок» не в счет. Между тем, в большинстве стран мира люди, избравшие своим занятием содержание животных, умеют изготовлять тысячи сортов превосходного сыра. Наши же не только не могут его готовить, но и не хотят учиться. Курт – это наше все.

Чем ближе к человеческому жилью, тем чаще встречается другая примета цивилизации – пчелиные ульи. Производство этой экологически чистой продукции на берегах Нурекатасая поставлено с размахом. Ульи громоздятся на длинных платформах, которые легко перевозить, не тревожа крылатых тружеников. Таких мини-заводов по производству меда здесь установлено полным-полно. И почти на каждом аршинными буквами выведено: «Мед есть». Что ж, пчеловодство – дело полезное.

По дороге Ихтиёр рассказывает об очень показательном для нашего времени случае. В прошлом году его знакомый – житель Кумышкана – нашел в горах клад. К сожалению, не золотой, а медный – кумган, блюда, кувшины, монеты – всего около пятидесяти килограммов. Он позвонил в музей, но там ответили, что в данный момент нет денег, чтобы выплатить вознаграждение. И тогда он сдал клад нелегальным скупщикам цветного металла по цене медного лома.

С каждым километром влияние человеческого фактора на окружающий ландшафт становится все более доминирующим. Вот слева огромный оползень, обрушивший чуть ли не полгоры. Отчего это произошло? Может, там был родник и весной он разбух от дождей и размыл землю? Ихтиёр сообщает, что нет, просто там посадили картошку и слишком старательно ее поливали.

Наконец мы выезжаем к слиянию Аксакатасая и Нурекатасая. Окрестности превращены в некое подобие курорта – вдоль реки стоят машины, а в воде бултыхаются отдыхающие. Но какая же тут грязная вода! Ихтиёр бросает взгляд на кучу бутылок, оставшихся после пикника, и проницательно определяет этническую принадлежность пировавших:

— Здесь отдыхали узбеки, а не русские.

— Откуда ты знаешь?

— Вон две бутылки из-под масла валяются. Плов готовили…

Национальный парк, как и в начале нашего путешествия, плавно перетекает в поля. Лишь белые цветки мальвы оживляют пейзаж. Да и те встречаются редкими очагами. А вот и Кумышкан. Цивилизация встречает нас дорогой, покрытой неимоверным слоем пыли.

Как и всякая экспедиция, наш поход должен подвести к каким-то общим выводам. Они таковы. Нам хотелось найти места, где людей почти нет. На территории Угам-Чаткальского национального парка таких мест мы не обнаружили. Дикие звери там не кишат. А если кто и кишит, то это бараны. Местные жители, оправдывая массовый выпас скота, ссылаются на перенаселенность поселков и отсутствие работы. В таких обстоятельствах наилучший способ решить обе проблемы сразу – построить в округе завод по производству презервативов…

Алексей ВОЛОСЕВИЧ
Экоальманах «Просто пишем о среде» (второй выпуск), 2004г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Вода

Вода

Для безопасности плотин в Центральной Азии

02.09.2026
261 просмотров

Для обучения специалистов создается Академия безопасности гидротехнических сооружений. В ЦА насчитывается свыше 1200 плотин, из них 110 относится к разряду больших.

Вода

Насколько полны были Амударья, Сырдарья и водохранилища на этих реках в июле 2026 года

13.08.2026
650 просмотров

Фактическая приточность к верхним водохранилищам была больше прогноза, в том числе к Токтогульскому водохранилищу на 202 млн.м3, к Андижанскому на 10 млн.м3, к Чарвакскому водохранилищу на 192 млн.м3.

Вода

Три канала Центральной Азии включены в реестр Всемирного ирригационного наследия в 2026 году

11.08.2026
492 просмотров

Получили признание Международной комиссии по ирригации и дренажу ирригационная система «Халифа Хасан» в Таджикистане и каналы «Даргом» и «Шохруд» в Узбекистане.